

18+

Наталья Червяковская

**Чароитовая
нежность:
непокорная сила, что
сдалась на милость
ласки**

Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

**Чароитовая нежность:
непокорная сила, что
сдалась на милость ласки.
Современная проза и поэзия**

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Чароитовая нежность: непокорная сила, что сдалась на милость ласки. Современная проза и поэзия / Н. Червяковская — «Издательские решения»,

Книга «Чароитовая нежность: непокорная сила, что сдалась на милость ласки» — это повесть о двоих, влюблённых в Океан и Море, друг в друга, в лошадей и собак. Это история молодого мужчины Василия и его супруги Милентии — двух тёзок по отчеству, Всеволодовичей, — их дружной семьи и того продолжения, что расцвело тройней. Никогда не судите о человеке по внешнему глянцу: за ним — ежедневный труд и любовь ко всему живому.

Содержание

Чароитовая нежность	6
Тёзки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чароитовая нежность: непокорная сила, что сдалась на милость ласки Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0070-1765-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чароитовая нежность

В фиалковых сумерках долгого плена,
Где камень впитал вековую печаль,
Рассыпалась в пепел, утратив все крылья,
Судьбы моей прежней немая эмаль.
Дыханьем сиреневых недр чароита
Очищен мой разум от клятв и теней,
Святая когда-то опора разбита,
И мир растворился в лазури морей.

На жертвенник брошены выжженных буден
Обиды, что гарью слепили глаза.
Пусть берег янтарный навеки забудет,
Как небо секла грозовая лоза.
Я нити раздора, тяжёлые швы
Сорвала с души, как стальной антураж,
Чтоб в свежести росной прибрежной травы
Растаял жестокий и душный мираж.

Мне больше не нужно иллюзий гранитных,
Где в каждом кирпичике — эхо вины.
Я смыла следы тех союзов обидных,
Что были печальных камней холодны.
Здесь ветер не воет — он шепчет о главном:
Что жить налегке — это просто прощать,
Не нужно быть вечно для всех безупречной,
Чужую тоску на плечах воплощать.

Я жизнь поменяла в одно лишь мгновенье,
Там, где за туманом — иная земля.
Волны стирают следы наважденья,
В пенных созвездиях топят моря.
Босая, простая у края прибоя,
Я солью из ран сменила пароль от дверей.
В своём отречении стала собою,
Вернув себе право на свет от морей.

Смотри, как рассвет разливается в пене,
Как острые скалы нежнее стекла.
Я в этом покое, как в новом рожденье,
Забыла тот берег, где жизнь умерла.
И если когда-то вьюга завоет,

Я выйду к воде — она всё исцелит,
Меня океан своим шумом укроет,
И небо в душе тишиной зазвенит.

Может ли жизнь перемениться в единый миг? Вестимо, может. В один день человек теряет работу — ту самую, на коей корпел годы. Дивное слово — «работа». Словно «раб» и «бота»... Раб бота, раб ярма. И вот — единым звонком, раз — и вышвырнули. Молвили просто: «Пиши заявление». И она написала. Долгие лета не смела шагнуть, а тут — сама судьба поднесла билетик на волю. Возможность переменить жизнь, уйти от этой тупой, липкой бессмыслицы.

В тот же вечер дом выставила на продажу — и покупатель сыскался. Чемоданы, сумы, коробка — всё складывается в лихорадочном ритме освобождения. Куда идти дальше — куда неведомо. Но ты уже не в тревоге — ты паришь в мгновении чистого счастья, словно скинул гранитную плиту с груди.

Она стояла у распахнутого окна, и в горницу врывался сырой, ещё не отогретый воздух конца мая. Затяжная студёная весна, что вот-вот обернётся прохладным летом, — листья на клёнах уже налились тяжёлой, густой зеленью, но солнце всё ещё пряталось за плотными облаками, словно не решаясь выглянуть, словно стыдясь собственной нерешительности. Женщина глядела вниз, на суету грузчиков, на коробка, которые они выносили из дома, выносили её жизнь, упакованную в картон и стружку. Ей было тридцать семь. Настоящая, элегантная женщина, не прячущая своих лет, а гордо несущая их, как драгоценную ношу, — она не кричала, что выглядит на двадцать, ибо это глупость: каждый выглядит на свои года, но не каждый умеет принять их с тихим достоинством. Высокая, стройная, с осанкой той, что привыкла нести себя сквозь толпу, как несут полную чашу, не пролив ни капли. Длинные волосы цвета тёмного русого тяжело лежали на плечах; она собрала их в низкий пучок, но несколько прядей выбились и касались острых скул, словно не желая подчиняться строгому порядку, словно напоминая ей о той свободе, что осталась где-то там, в прошлом, за этим окном.

Лицо её было покойным, почти отрешённым. Лисьи зелёные очи с лёгкой раскосинкой глядели куда-то сквозь происходящее — в ту точку, где прошлое уже не имело силы. Уста, чуть увеличенные контуром, были плотно сжаты, но в уголках пряталась едва заметная усмешка. Небольшой изящный прямой нос, белая кожа — вся она напоминала фарфоровую статуэтку, кою кто-то по неосторожности вынул из шкафа и поставил на ветер. Она ведала, что на неё ещё заглядываются — в лавке, на улице, в повозке. Но ей никто не был надобен. Ей так хорошо одной. Она мыслила в славянской риторике живого, певучего русского языка — такого, каким он звучит в песне и в молитве. И, конечно, она обитала в уютном благоустроенном доме, а на улицах города, в современных офисах и роскошных автомобилях, мужчины заглядывались на неё, словно на утреннюю зарю.

Её мир давно сузился до вещей, кои приносили тихую радость: любимый чароитовый цвет — глубокий, фиолетово-сиреневый, с внутренним мерцанием, словно камень хранил в себе кусочек ночного неба. В этой светлице всё было выдержано в этой гамме — диванные подушки, керамическая ваза на комод, тяжёлые занавеси, даже её любимый шёлковый халат с разводами, напоминавшими космические туманности. Она чувствовала этот цвет кожей — он успокаивал, давал опору, когда всё рушилось. Ныне вещи пакуют в коробка, и чароит поедет с ней.

Она отошла от окна, провела перстом по подоконнику — пыль осталась на коже. Дом уже не её, он продан, и вместе с ним уходит всё, что держало её в клетки долгие годы. Муж, работа, обязательства — всё осталось за порогом, в прошлой жизни, кою она донашивала как старую одежду. Сейчас, на пороге свободы, она вдруг почувяла, как в груди распускается нечто лёгкое и тёплое. Она не ведала, куда поедет — может, к морю, может, в небольшой городок, где её никто не знает. Но одно она знала теперь совершенно точно: свою чароитовую коллекцию мечтаний она больше никогда не упрячет в глубь шкафа. Пусть стоит на самом видном месте — как живое напоминание о том, что даже в самый безнадёжный, серый день внутри может теплиться сокровенный, фиолетовый огонь.

Она была из тех женщин, что не нуждаются в лишних словах, чтобы быть замеченной. Ия — так она представилась себе сама много лет назад, отбросив пышное Милентия Всеволодовна, словно тяжёлую шубу в знойный день. Гордая, но не надменная; спокойная, но не холодная. В её облике чувствовалась порода — не та, что даётся деньгами или родословной, а та, что прорастает изнутри, из умения держать спину прямо, когда внутри всё дрожит. Она никогда не повышала голоса, никогда не суетилась. Даже сейчас, когда грузчики внизу спорили о том, как упаковать её чароитовую вазу, она лишь чуть приподняла бровь — и шум стих. В ней было что-то от прежних времён, от женщин, что умели повелевать взглядом.

Ия подошла к трюмо, поправила выбившуюся прядь. Лицо в зеркале смотрело на неё с лёгкой улыбкой — не торжествующей, а понимающей. Семь лет в браке, где её учили, что женщина должна быть тихой и удобной, не оставили шрамов на лице, но оставили их в душе. Она помнила, как муж, ныне уже бывший, называл её «слишком яркой», «слишком своенравной». Ей казалось, что она стала меньше, сжалась до размеров той самой клетки, в которую её заперли. Однако сегодня она поняла: клетка была лишь в её голове. Замок щёлкнул, дверца распахнулась, и дышать стало вольно, словно никогда прежде она не знала, что такое полная грудь воздуха.

Она усмехнулась, вспомнив, как в последние годы работа превратилась в пытку. Бухгалтерия, отчёты, бесконечные совещания, где её голос тонул в хоре мужских баритонов. Она была хорошим специалистом, но её не ценили — нет, её терпели. А она терпела это терпение, потому что боялась пустоты. Теперь же пустота не пугала: она казалась чистым холстом, на котором можно написать что угодно. Первый мазок уже был сделан — заявление об уходе, два дня назад, и подпись дрогнула лишь раз, когда она ставила число после фамилии. А потом — лёгкость. Невесомая, почти пугающая лёгкость, от которой кружилась голова.

Внизу хлопнула дверца машины. Ия взглянула на часы — скоро надо уезжать. Она надела простой кремовый льняной костюм, подчёркивающий тонкую талию, и туфли на невысоком каблуке. Никаких драгоценностей, кроме тонкого серебряного кольца на указательном пальце — подарка бабушки, последнего, что осталось от неё. В сумочке лежал конверт с деньгами от продажи дома и билет на поезд до небольшого приморского городка. Она выбрала его наугад, закрыв глаза и ткнув пальцем в карту. Судьба — или случай — указали на местечко с названием, пахнущим солью и соснами: Приморск.

Я — океана дочь. В рассветной литургии
Мне шёпот древних лип прощенье подарил.

Выходя, она остановилась на пороге, обвела взглядом пустые стены. Обои с бледным цветочным узором, которые она так любила когда-то, теперь казались чужими. Ия не обернулась,

закрывая дверь. В машине, на заднем сиденье, лежала коробка с чароитовой вазой, завёрнутая в три слоя ткани. Она села рядом с ней, как с живым существом, и тронула пальцем гладкий край. Камень мерцал в полумраке салона, обещая что-то новое. Женщина закрыла глаза и позволила себе улыбнуться. Свобода не пахла ничем — и оттого казалась сладкой, как первый вздох после долгого плавания под водой.

Машина транспортной компании, взявшей ее перевезти её вещи за каких-то пятьсот километров, уже давно скрылась за поворотом. Ия сама так решила. Мебели у неё было немного — но каждый предмет дышал роскошью, каждая линия была выверена дорогим вкусом. Техника тоже. Компания, вернее, те самые ребята — специалисты своего дела — всё упаковали с хирургической точностью. Она же выбрала другой путь: проехаться до нового места на поезде. Всего ничего — ночь, каких-то десять часов пути. Она приедет и встретит их уже на месте, на пороге новой жизни.

Они довезли её до вокзала — благо, всё было по пути, словно сама судьба расчищала перед ней рельсы. Она ступила на перрон, и в груди что-то дрогнуло. Проводник принял билет, кивнул с пониманием — СВ, конечно. Она решила: в этой жизни она будет создавать для себя всё сама. И только лучшее. Никакого плацкарта, никакого тесного купе — только бархат кресел, только мягкий свет ночника, только этот шелест колёс, уносящих её в неизвестность.

Она много думала и вела с собой внутренний диалог, будто благословляя себя на новую жизнь. С мужем она развелась, детей у неё не было — он не хотел, да и родители жили далеко, на другом конце страны. Друзей тоже не было, она была одиночкой по жизни, и ей было комфортно.

«Новая жизнь. Новая я. Ия — это больше не та, что соглашалась на меньшее. Смотри, как легко дышится, когда решила. Когда сказала себе: отныне — только роскошь. Только то, что достойно. Не потому что могу себе позволить, а потому что я этого стою. Этот поезд — он не просто везёт меня в другой город. Он везёт меня в другую версию себя. Пусть десять часов. Пусть всего ночь. Но она станет первой ночью той жизни, где я сама для себя — главный дар. И никаких компромиссов. Никогда».

Она опустилась на мягкое сиденье, поправила складку на льняной блузке и улыбнулась собственному отражению в тёмном стекле. За окном поплыли огни, растворяясь в бархатной тьме. Таков был её новый путь. Она решила сама.

Приморск оказался именно таким, каким она его и вообразила: тихим, сонным, пропахшим солью и йодом — эти запахи были разлиты в самом воздухе, как невидимая, но осязаемая субстанция. Городок лепился к берегу узкими улочками, вымощенными ракушечником; дома стояли вперемешку — старые купеческие особняки с резными наличниками соседствовали с современными белыми коробками, и в этом хаосе чувствовалась своя, необъяснимая гармония. Ия выбрала квартиру на третьем этаже новостройки, что глядела прямо на залив. Две комнаты, простая планировка — но окна от пола до потолка, и за ними море, море, море. Она купила эту квартиру в тот самый день, когда нашёлся покупатель на дом. Судьба преподнесла ей вариант, где стены ещё дышали запахом свежей краски — терпким, обещающим новую жизнь, — а с балкона распахивался простор: бескрайняя синева уходила за горизонт, туда, где небеса и вода, сливаясь в поцелуе, замирали единым дыханием вечности.

Обустроивала она своё гнездо не спеша, с той особой тщательностью, какой прежде не позволяла себе в отношении личного пространства. Белые стены она оставила нетронутыми — они расширяли комнаты, наполняли их светом и дарили ощущение простора. Мебель из её прежнего дома обрела в новой квартире второе дыхание — каждое кресло, каждый столик вписались в пространство с той безупречной естественностью, будто были рождены именно для этих стен. Оставалось лишь добавить несколько нежных штрихов: плетёное кресло у окна, низкий диван цвета морской волны, пара столиков из светлого дерева. Чароитовая ваза заняла почётное место в нише гостиной — и теперь камень мерцал не только под электрическим светом, но и на солнце, отражая водные блики, переливаясь фиолетовыми прожилками, словно живой, дышащий. На стенах поселились гравюры с парусниками — купленные в лавке на набережной, они привносили в дом солёный ветер дальних странствий. Пушистый ковёр песочного оттенка мягко лёг на пол, согревая прохладные вечера. Кухня была великолепна: гарнитур из прежнего дома идеально подошёл новой планировке, а на столе обосновался фарфоровый чайник с чароитовым узором — она привезла его с собой как талисман, хранящий тепло минувшего.

Ванная комната стала продолжением той же философии — пространство дышало светом и тишиной. Стены отделаны матовой плиткой цвета слоновой кости, а напольное покрытие из тёплого камня напоминало о морском берегу. Большое зеркало в лёгкой деревянной раме отражало полуденное солнце, делая комнату просторнее и воздушнее. На полке стояли стеклянные флаконы с маслами — лаванда, эвкалипт, кедр; их ароматы смешивались с запахом влажного дерева и свежести. Полотенца нежно-лазурного оттенка висели на крючках из светлого металла, а на подоконнике расположилась небольшая орхидея в керамическом горшке — её корни тянулись к свету, будто оживляя пространство дыханием живой природы.

Спальня оказалась уютным убежищем, где каждая деталь подчинялась идее покоя. Кровать была застелена льняным бельём природного оттенка — ни кричащих узоров, ни броских деталей. На прикроватных тумбах стояли две маленькие керамические лампы с абажурами из рисовой бумаги; их свет был тёплым, приглушённым. Одно широкое окно выходило во двор, где росли старые липы — их узловатые ветви едва касались стекла, словно пробуя его на ощупь. Ию это радовало. Она часто подходила к окну, ставила локти на подоконник и просто смотрела. В новостройке, где каждый угол пах краской и свежим бетоном, липы казались пришельцами из другого времени — крупные, корявые, с мощными стволами, в трещинах коры которых угадывалась долгая жизнь. Ию это успокаивало. Ей нравилось думать, что под этими самыми липами когда-то писал Чехов. Он был здесь, в этом маленьком городке Приморске, снимал, говорят, дачу на соседней улице. Усаживался под тенистой кроной, шурился от солнца, пробивавшегося сквозь листву, и набрасывал строки. Теперь эти строки — в томах собраний сочинений, а липы — вот они, под окном. Трогают стекло, будто напоминают: всё проходит, а мы остаёмся. Липы были душой города, его живым венцом и немой легендой — они стояли под незримой сенью закона, и рубить их было возбранено столь же строго, сколь и святотатственно.

Она перевела взгляд чуть правее. И здесь начиналось главное чудо — залив моря. Он открывался не сразу, не целиком. Сначала взгляд цеплялся за неровный край крыш старой части города, за купола церкви, за полоску набережной, а потом вдруг проваливался в синеву. Ия знала этот момент. В пасмурный день море сливалось с небесами в одну свинцовую плиту, и только по тёмной, дрожащей линии горизонта можно было догадаться, где кончается одно и начинается другое. Но в ясную погоду, как сегодня, граница была резкой, почти графичной. Вода дышала. Она переливалась от бирюзового у берега до густо-синего, почти чёрного цвета на глубине. Ия видела белые шапки волн — отсюда, с третьего этажа, они казались совсем

маленькими, игрушечными, будто кто-то стряхивал пену с кисточки. А ближе к пирсу застыли два баркаса, крашенные в голубой цвет, который давно облупился, но от этого они стали только роднее.

Вид из этого окна был изумительным. Ия поймала себя на мысли, что никогда не устанет на него смотреть. С одной стороны — старые липы, свидетели чеховского времени, хранители тишины и зелёного полумрака. С другой — залив, вечный, изменчивый, полный ветра и света. И это сочетание, соседство пыльной листвы и солёных брызг, делало квартиру особенной. Она переехала сюда всего месяц назад, но уже знала: утром, просыпаясь, не станет сразу открывать глаза. Сначала прислушаюсь. Если ветер дует с моря, то в форточку врывается запах йода и водорослей — солёный, терпкий, словно дыхание самой глубины. Если с берега — доносится горьковатый аромат ароматной липы и пыльцы, пряный и томный, как предчувствие. И тогда уже можно вставать.

В коконе снов, в перламутре измятых постелей,
Прячешься ты от взыскательных взглядов зари,
Только рассвет — не черёд бесконечных недель,
Это сокровище, скрытое где-то внутри.
Липовый голос — тягучий, янтарный, хмельной —
В окна втекает, как мёд, освящённый росой,
Дивным заветом ложится на день неземной,
Мир, что омыт первозданной и чистой красой.

Страшно взглянуть в это око немого «святого»,
Что через стёкла следит за движеньем души,
Где из свинца и седого холста неначатого
Вечность диктует: «Смотри, принимай, не спеши».
Скрип половиц под босою и робкой стопой —
Словно обет, возвращающий сердце домой.
В миг этот краткий ты встретишься только с собой,
Вновь осенённая утренней солнечной тьмой.

Там, у черты, где сливаются море и небо,
Кистью невидимой нежный размыт чароит.
Жизнь — это право на чудо, на толику света,
Право признать, что ты сама себе госпожа.
Чайник закинет свой тонкий, бемольный напев,
Солнце поднимет над бездной сияющий щит.
Город умолкнет, в суетных делах онемев,
Здесь же — закон первородного ритма звучит.

Слышишь ли музыку в жадном, пустом водосточе?
Вздых старой лайки и хлопанье чьих-то дверей?
В этом немом и лениво-протяжном потоке
Светлая участь для всех неприкаянных дней.
Липовый дух, словно смолы июльских садов,

Нужно жевать, ощущая на вкус бытие.
Счастье не терпит погони и громких шагов,
Счастье — в умении выждать безмолвье своё.

Море застыло в величье зеркального духа,
Стык преисподней садов и солёной воды.
Мир не для крика — для тонкого, верного слуха
Ищет в подтаявшем льду золотые следы.
Девочка с прошлым, ты — берег и пенный прибой,
Пламя, сокрытое в складках живой тишины.
В миге одном обретая великий покой,
Ты присягаешь на верность дыханью весны.

Разумеется, липы не цветут круглый год — но можно купить домашний парфюм или аромапалочки с этим запахом. Главное же — то особенное состояние, в котором я вступила в свою новую жизнь, в новую квартиру: это запах цветущей липы и моря. Вот что по-настоящему важно.

Ия вспомнила, как увидела это объявление. «Продаётся квартира с видом на море и липовую аллею», — было написано сухо, без восторга. Риелтор крутил пальцем у виска: «Новостройка, но рядом старые деревья. Потом, если захотите парковку расширить, липы, может, и спилят. У нас много таких случаев». Ия тогда ничего не ответила. Она приехала, поднялась на третий этаж, вошла в пустую комнату с голыми стенами, подошла к окну — и пропала. Липы тряхнули ветвями, будто здороваясь, а за их спинами блеснула вода. Она поняла: не уйдёт отсюда. Никогда. Даже если парковку негде будет ставить. Даже если все вокруг скажут, что это неудобно.

Она ввела в свою жизнь новый ритуал: день — чай, наутро следующего — кофе. Теперь она стояла у окна и пила кофе. Чашка была горячей, Ия держала её обеими руками, согревая ладони. Внизу, во дворе, детвора гоняла мяч. Кто-то выгуливал собаку — маленького чёрного терьера, который деловито обнюхивал корни липы. Пожилая женщина в платке неспешно несла пакет с продуктами. Обычная жизнь. Но Ие казалось, что с высоты третьего этажа эта жизнь приобретает особый смысл. Она смотрела на липы и думала: «Они пережили и Чехова, и революцию, и войну, и перестройку. Теперь переживут и эти стройки». Ветви касались стекла, и она слышала лёгкий шорох. Это было похоже на шёпот: «Не бойся. Мы здесь. Мы за тобой присмотрим».

Она снова перевела взгляд на море. Там, за горизонтом, угадывалась призрачная линия другого берега. Где-то далеко, за пять километров, залив обрывался, чтобы перейти в океан — в бесконечность, полную обещаний. Ия знала: когда-нибудь она обязательно поплывёт туда. Но пока ей хватало этого окна. Достаточно было просто стоять и смотреть, как солнце медленно уходит в воду, окрашивая её в огненные тона, как липы отбрасывают на двор разлапистые тени, как городок Приморск, пахнущий мечтами из далёкого детства и старыми книгами, готовится стать началом её новой, незабываемой жизни.

Это было море, но ей почудился океан. Отчего же так? Кто разгадает эту бездонную женскую душу? Океан её новой жизни.

В груди — прилив, в висках — солёный шёпот,
Душа — коралл, что тонет в толще вод.
Зачем мне берег? Пусть сомкнутся соты
Волны, что время, как песок, метёт.

Я — раковина, полная молчанья,
Где жемчуг зреет из земной слезы.
Мне море — мать, а океан — изгнанье,
Где тонут все надломленные сны.

Не спрашивай, зачем в глазах — сиреневая бездна,
Зачем я пью рассвет, как горький яд.
Моя душа — разгадка, но невеста
Своих же тайн, что в бездне говорят.

Так кто ж поймёт? Лишь чайка вскрикнет тонко,
Да ветер сбросит пену с диких скал.
Я — женщина. Я — океан ребёнка,
Что в море слёз воздвигла свой причал.

Я там люблю закаты из фиалок,
Где небо — в тишине, как старый храм.
Где каждый луч — прощальный, горько-сладок,
И мир плывёт по розовым волнам.

Мне звёзды шьют из сумерек одежды,
А месяц дарит медленный свой свет.
Я не ищу ни мира, ни надежды —
Мне в этом небе вовсе дела нет.

Всё, что во мне — то страсть и то дыханье —
Приливом бьётся в каменную грудь.
Моё безмолвье — полное названье
Всего, что не посмела я вернуть.

И в час, когда фиалки гаснут в синем,
Я становлюсь прозрачней, чем вода.
Душа не спит — она плывёт пустыней,
Где даже эхо тонет без следа.

Всё это — я. Мой призрачный пейзаж,

Мой сон, что дышит на изломе века.
Я — женщина, чей собственный типаж
Не уместить в обычном человеке.

Оставь меня. Мне не нужны ответы.
Я научусь, как чайка, просто петь,
Сквозь соль ветров, сквозь ветреные меты —
Не умирать, а в море улететь.

Ия обожала аллегории — непроглядные, ни для кого не предназначенные. Свои собственные мысли она укладывала в четыре строки, роняла их невзначай, с самого детства. Ни один человек их не понимал. Ни родители, ни бывший муж... Она процедила про себя: «Даже имени его не помню».

Она отставила чашку и коснулась пальцами стекла. Оно было тёплым от дневного света. За ним шуршали липы. За ними дышало море. Ия улыбнулась. Этот вид из окна был её личным сокровищем, её тихой гаванью, её обещанием того, что в жизни есть место для красоты, даже если она растёт прямо во дворе новостройки и упирается ветвями в стекло, напоминая: «Мы здесь. Мы помним. Мы будем всегда». В углу стояло кресло из тёмного дерева с мягкой подушкой — именно здесь она любила сидеть по утрам с чашкой чая, глядя на листья, качающиеся на ветру. На стене висела простая акварель с изображением морского пейзажа — неброская, но полная воздуха и света.

Гостиная, она же кабинет, хоть и небольшая, стала местом сосредоточенной работы. Письменный стол из массива дуба стоял у окна, так что естественный свет падал с левой стороны — продуманная деталь, выверенная моментом. На столе аккуратно разместились деревянная подставка для ручек, настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром и пара стопок книг. Напротив висела пробковая доска с фотографиями, открытками и несколькими листами с заметками. Вдоль стены тянулись стеллажи — на них стояли книги, часть из которых была перевезена из старого дома. Тяжёлые тома по истории искусства соседствовали с тонкими сборниками стихов и путеводителями по разным странам. Одно из кресел у стола — словно трон, обтянутое кожей глубокого фиолетового цвета — выглядело добротно, дорого и чуть потёрто в тех местах, где его касались чьи-то руки. Но это была лишь дизайнерская уловка: на самом деле кресло было новым, крепким, она купила его как раз перед тем, как выставить дом на продажу.

Прихожая встречала гостей светлым деревом стенового шпона и зеркалом в полный рост с латунной рамой. На низкой консоли из ясеня стояла корзина, и в ней теплился светильник — словно застывшие в полёте столбы света, ниспадающие вниз невесомыми струями. Вешалка из того же дерева стояла почти пуста — лишь пара лёгких шарфов, плащ да шляпка, которую она иногда любила надевать. На полу — коврик ручного плетения из натурального сизаля, нежный под босыми ступнями. В полумраке прихожей, когда вечером вспыхивал свет, латунные детали рождали мягкие блики, и пространство становилось тёплым, гостеприимным — словно дом давно ждал именно этих людей, этого вечера, именно этой тишины.

Этот месяц стал для неё временем тихой радости. Она просыпалась не по будильнику, а по первым лучам солнца, что заливали спальню золотом, пила чай или кофе на балконе, слушая крики чаек, и подолгу смотрела, как меняется цвет моря — от утреннего серебристого до вечернего тёмно-синего, почти чёрного. Она сменила номер телефона, удалила все аккаунты,

перестала отвечать на письма. Знакомые остались в прошлом — вместе с домом и работой, — и это не тяготило, а освобождало, как сброшенная кожа. Она позволяла себе подолгу бродить по городу: заглядывать в рыбные лавки, где пахло йодом и водорослями, покупать свежие лепёшки у местной торговки с морщинистыми, но ловкими руками, сидеть на скамейке у причала и наблюдать, как рыбаки чинят сети, перебрасываясь редкими фразами.

В квартире поселилась своя магия. Ия приучилась зажигать по вечерам свечи — в старых подсвечниках с морским узором, пахнущих солью и бризом. Тогда комната наполнялась мягким золотистым светом, а за окном, напротив, темнело, и море сливалось с небом в единую, бескрайнюю чернильную гладь. Она купила старенький проигрыватель и пластинки с джазом — хриплый саксофон вплетался в тишину, когда она перебирала книги на новой этажерке или неторопливо готовила ужин. Впервые за долгие годы Ия никуда не спешила, ни опозданий, ни отчётов — ничего, кроме покоя. Этот маленький мир — две комнаты, вид на залив и чеховские липы, чароитовый отсвет на подоконнике — стал её крепостью, её началом, её тихой и нерушимой свободой.

Чароитовый закат целуется с рассветом,
Стирая грань времён в небесном полотне.
Я стала тишиной, я стала вечным светом,
Что бликом золотым качается в волне.
В одно мгновение, единым взмахом воли,
Я сожжена дотла, чтоб заново зацвести,
И в океанской мгле, в солёном ореоле
Читать своей судьбы неписаную весть.

Прощай, полночный гул и пыль пустых перронов,
Я вырвала себя из плена мёртвых сред.
Теперь лишь в шёпоте ветвей, в листве зелёной
Я нахожу свой мир и свой святой обет.
Мой мир — ковчег из книг, латуни и лаванды,
Где джаз плетёт узор у нового окна,
Где тонут в зеркалах прошедшие десанты,
И робко в дверь стучит морская глубина.

Я — женщина-прилив, я — раковина тайны,
Где жемчуг вызревал в застенках горьких слёз.
Случайности любви и встреч сюжет случайный
Разбил о камни скал безжалостный норд-ост.
Душа, как мягкий мох на липе вековой,
Вросла в покой и штиль, забыв про бег и страх.
Я согреваю жизнь кофейным серебром,
Держу свою свободу бережно в руках.

Там, где залив уснул, сливаясь с бесконечным,
Где чароита блеск расплавил окоём,
Я обрела причал в сиянье безупречном,

В забытом городке, заброшенном, судьбой —
С собою и морской немолкнувшей стихией.
Надломленные сны ушли в песок и ил.
Я — океана дочь. В рассветной литургии
Мне шёпот древних лип прощенье подарил.

Тёзки

Лето в этом году выдалось на диво щедрым — словно сама природа решила расточить свои сокровища сполна. Солнце, ещё не успевшее набрать полуденную ярость, заливало город мягким медовым светом, просачиваясь сквозь листву и ложась на стены тёплыми пятнами. Ия стояла у окна своей квартиры на третьем этаже и смотрела, как просыпаются улицы. Где-то внизу дворник уже закончил поливать газоны, и мокрая зелень искрилась, словно усыпанная битым стеклом — тысячами мелких осколков, в которых плясали блики. Воздух был напоён запахом нагретого асфальта и свежей листвы, а лёгкий ветерок шевелил тюль на кухне, заставляя его вздыхать и трепетать, как живого. Она глубоко вздохнула, чувствуя, как непривычная свобода растекается по телу тёплой волной — от макушки до самых кончиков пальцев. Никаких дедлайнов, никаких бессмысленных планёров, никакого этого вечного звона мессенджеров, что впивался в тишину, как назойливая оса. Только она и этот бесконечный, принадлежащий только ей день — распахнутый, как чистый лист.

Ия решила, что начнёт с малого — с обещанной себе машины. Не просто посмотреть, а именно примерить новую жизнь, вдохнуть её запах, ощутить её кожей. Она подошла к огромному гардеробу и, пробежав пальцами по вешалкам, перебирая ткань, как струны, остановила выбор на комбинеzone. Это была её любимая вещь из последних покупок: летний, цвета чароита — того самого мистического сиренево-фиолетового камня, который меняет оттенок в зависимости от освещения, словно хранит в себе тайну. Ткань, лёгкая и струящаяся, напоминала плотный шифон с матовым блеском — мерцала, как вода в лунную ночь. Он сидел на ней безупречно, будто сшит по меркам самой судьбы. Широкие брючины мягко колыхались при ходьбе, не сковывая движений, а верх с глубоким, но элегантным V-образным вырезом открывал плечи и ключицы — хрупкие, как у статуэтки. Самой изюминкой была прозрачная вставка от талии до середины бедра: тончайшая, почти невесомая органза, расшитая крошечными драгоценными бусинами, которые ловили свет и рассыпали его вокруг неё радужными зайчиками — точно фейерверк, застывший в ткани. Эта деталь создавала иллюзию: вроде бы всё прилично, закрыто, но в то же время сквозь дымку угадывались контуры её подтянутой фигуры, а под комбинезоном угадывалось шикарное кружевное бельё нежного кремового оттенка — тонкое, как паутина, которое она надела специально для себя, для своего тайного праздника.

Ия надела свои любимые часы — тонкие, с циферблатом цвета слоновой кости и ремешком из перламутровой кожи, что переливался, как внутренность раковины. На ноги она выбрала сандалии: натуральная кожа песочного оттенка, на плоском ходу, но с тремя тонкими ремешками, которые элегантно оплетали подъём и лодыжку, застёгиваясь на маленькие металлические пряжки — изящные, как ювелирная работа. К ним полагалась небольшая сумка-кроссбоди из той же кожи, с тиснением под крокодила, которая висела на тонком длинном ремешке и при каждом шаге чуть касалась бедра. Волосы, густые и блестящие, как вороново крыло, она собрала в тугий высокий хвост, отчего линия скул стала ещё острее, а шея — длиннее и тоньше, точно стебель. Едва ступив на порог новой жизни, сменив не только кров, но и саму себя, Ия воспыпала дикой жадой — стать жгучей брюнеткой, опалить мир угольным взглядом. И в одночасье, словно сбросив старую кожу, из тёмно-русой скромницы, застенчивой и тусклой, она переродилась — вспыхнула той самой роковой леди вамп, чей шаг — рокот, а взгляд — приговор. Очки — большие, в черепаховой оправе, словно взятые напрокат у французской кинодивы шестидесятых — скрывали зелёные глаза, но придавали лицу загадочное, почти отстранённое выражение, будто она смотрит на мир сквозь призму другой эпохи. Завер-

шила образ лёгкая помада — прозрачный блеск с розовым отливом, чуть влажный, как утренняя роса.

Она мельком глянула на себя в зеркало в прихожей. Из отражения на неё смотрела женщина, которая не просто хорошо выглядела. Она выглядела так, будто у неё нет ни единой проблемы в мире, будто её жизнь — это сплошной солнечный день и бесконечная перспектива, уходящая за горизонт. Ия взяла ключи, вышла на улицу, и тёплый ветер тут же взлохматил выбившуюся прядку у виска — невесомое прикосновение, как поцелуй. Она шла по бульвару, упиваясь собой и даря себя миру, городу, каждому взгляду. До салона решила доехать на такси, но день был слишком хорош, чтобы нырять в машину сразу от подъезда. Она вызовет такси в городе. А сама всё шла, растворяясь в свете, — и прохожие оборачивались. Не потому что она была вызывающе одета, а потому что в ней чувствовалась та самая уверенность, которую не купишь в магазине — она струилась от неё, как аромат дорогих духов. Тени от лип стелились по асфальту кружевным узором, пахло жареным миндалём из киоска, и где-то вдалеке играла музыка — лёгкая, летняя, как этот день. Этот морской город, в котором она прожила всего месяц, — он словно бриз, не тот, прежний, что давил на неё собраниями и сроками, а свежий, обещающий. Сегодня он казался ей грандиозной декорацией, возведённой специально для её новой сцены. Ия улыбнулась собственным мыслям: заведу новый блог, подписчики, собственный контент. Но сначала — автомобиль. Она уже видела себя в прохладном кожаном салоне; солнце било в тёмные стёкла, отражаясь от лакированной приборной панели, будто от зеркальной глади. Этот день был началом, а начало обязано быть красивым.

Ия поймала в городе такси, скользнула на заднее сиденье, утонув в прохладе кожи, и, чуть наклонившись вперёд, попросила водителя отвезти её в автосалон. Тот молча кивнул, бросив сквозь зеркало заднего вида: «Салон, мол, у самого въезда в город, километров десять. Курортная зона — как никак». Сухо назвал цену, плавно тронул машину с места, и она понесла Ию туда, где её уже ждал край мечты — к долгожданной, невесомой от счастья покупке автомобиля. Минут через тридцать она уже стояла у входа в автосалон. На миг замерла, окинув взглядом стеклянные витрины, за которыми мерцали хромированные силуэты, — и шагнула внутрь, навстречу своей мечте.

Стеклянные двери автосалона бесшумно разъехались, словно раскрывая объятия, и Ия ступила внутрь — в прохладный полумрак, где воздух был густо замешан на запахе новой кожи, резины и едва уловимой ванильной сладости, которую источал невидимый аромадиффузор. Мягкий свет софитов струился с высокого потолка, полированные полы отражали плавные изгибы кузовов, как зеркальная гладь озера в безветренный день. Она сделала шаг, ещё один, разглядывая хромированные решётки радиаторов, линзы фар, гордые надписи на шильдиках, — и в тот же миг откуда-то слева вынырнул стремительный силуэт. Слишком поздно она заметила его движение; столкновение стало неизбежным. Она качнулась, но вместо удара о мраморный пол оказалась в крепких объятиях — тёплые ладони поймали её за талию и плечо, мягко, но надёжно, словно её тело опустилось в натянутую у самой земли спасательную сетку.

— Осторожнее, — раздался низкий, бархатистый голос. Ия подняла глаза и увидела лицо, будто вырезанное из солнечного света и морской воды. Мужчина лет двадцати девяти, высокий, стройный, с безупречно прямой осанкой, выдающей либо спортсмена, либо человека, привыкшего носить дорогие костюмы. Чёрные, как вороново крыло, волосы были уложены на косой пробор, открывая высокий лоб; скулы — резкие, точно у статуи эпохи Возрождения, — придавали лицу благородную чёткость. Он улыбнулся, и на подбородке проступила крошечная ямочка — словно звёздочка, загорающаяся только тогда, когда он смеялся по-настоящему, всей

душой. Но самым потрясающим были его глаза: цвета полуденного моря, прозрачно-бирюзовые, с золотыми крапинками, что плясали на радужке, как солнечные зайчики на воде. Он смотрел на неё с живым, открытым любопытством — ни грамма дешёвого кокетства, лишь искреннее восхищение, приправленное лёгкой, тёплой иронией.

Он отпустил её не сразу, задержав ладонь на локте ровно на миг, словно проверяя, твёрдо ли она стоит на ногах, и лишь затем отступил на полшага. Одежда выдавала безупречный вкус: льняной пиджак цвета тёплого песка, распахнутый, открывающий простую белую футболку, сидевшую на нём как влитая, и светлые брюки-чинос, элегантно сужающиеся к шиколотке. Ни галстука, ни показной строгости — только лёгкость и естественность, присущая людям, привыкшим быть в центре внимания, но не кричать об этом. На запястье поблёскивали часы с матовым циферблатом и кожаным ремешком в тон туфлям — лоферам песочного оттенка с металлической пряжкой. От него пахло одеколоном с нотами бергамота, розового перца и мокрого дерева — свежий, обволакивающий аромат, словно морской бриз, набежавший на нагретый солнцем причал.

— Простите, я засмотрелся на машину и не заметил вас, — сказал он, и ямочка на подбородке снова мелькнула в улыбке. — Позвольте представиться: Василий. Я здесь старший консультант, но сегодня, кажется, просто случайный прохожий, который вовремя оказался рядом. — Он слегка склонил голову; в этом жесте не было ни капли подобострастия — лишь галантность, такая же естественная, как разрез его глаз. — Вы ищете что-то конкретное? Или, как все в этом городе, просто влюбляетесь в первого встречного? Ия задумалась: на что он намекал — на себя или на этот brutальный внедорожник? Ответа она не дала, оставив сарказм при себе.

Ия невольно улыбнулась в ответ — его обаяние было заразительным. Она чувствовала, как её собственная уверенность, такая твёрдая ещё утром, слегка колышется, словно наткнулась на тёплое неожиданное течение. — Я пришла за машиной, — ответила она, поправляя ремешок сумки на плече, и голос её прозвучал спокойно и ровно, хотя внутри всё трепетало. — Но, кажется, я нашла не то, что искала. Или даже больше. — Она посмотрела ему прямо в глаза, позволяя себе эту смелость, и заметила, как его зрачки чуть расширились, будто он считывал каждое её слово не ушами, а душой. Василий рассмеялся негромко, но бархатисто — смех струился чистым хрустальным перезвоном, лёгким и прозрачным, как утренний свет. В нём звучала та уверенная, непоколебимая сила, перед которой женская половина города склонялась ниц, стоило ему лишь одарить их улыбкой. — Тогда позвольте мне стать вашим провожатым в нашей сокровищнице, — произнёс он, и плавное, приглашающее движение его руки напоминало взмах крыла. — Обещаю: сегодня ни одна дверь не посмеет захлопнуться перед вами. — И, подав ей локоть, он увлёк её в глубину зала, сквозь сияющий строй автомобилей, оставляя за спиной солнечный порог — и всё, что осталось позади до этой встречи.

В мыслях Ии всколыхнулась река любимых аллегорий — сотни четверостиший, мысленно подаренных этому Василию, красивому молодому человеку, хлынули потоком, затопляя сознание. «Возьми себя в руки», — властно приказала она себе. «Держи себя в руках, детка. Тебе нужен автомобиль, а не он».

Вот встреча двух рек — они, сливаясь, спорят,
Меня русла, судьбы имени.
Вот птица, что на руку села вкоре,
И вдруг — распахнута навек ни клетка, не стена.

Вот ключ в замке, что веки ждал в молчанье,
Один лишь щелчок — и пала тишина.
Судьбы щелчок, как выдох мироздания:
Два берега, два крыла, одна струна.

Вот мост, что держат две руки случайно —
Одна в тени, другая в толще лет.
Он не из камня, он из лжи и тайны,
Где каждый шаг — непрошенный ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.